

УДК 17.035.1

ЭГОИЗМ КАК ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ В ФИЛОСОФИИ М. ШТИРНЕРА И Ф. НИЦШЕ

К.А. Куреных

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова», г. Москва

Обыденное нравственное сознание оценивает эгоизм как неморальный и аморальный феномен. Тем не менее история этики знает примеры морального оправдания эгоизма в рамках той или иной философской концепции. В данной статье эгоизм рассмотрен как жизненная позиция в философии М. Штирнера и Ф. Ницше. Эти философы не просто оправдывали эгоизм с нравственной точки зрения, но и утверждали, что это единственно правильная жизненная установка. Между тем в учениях вышеназванных философов есть и принципиальные различия, которые во многом диктуют отношение к роли эгоизма в осуществлении их этических идеалов (Единственного Штирнера и сверхчеловека Ницше).

Ключевые слова: *эгоизм, философия Ф. Ницше, сверхчеловек, философия М. Штирнера, Единственный.*

В данной статье будет рассмотрен эгоизм как моральная позиция в философии М. Штирнера и Ф. Ницше. Выбор именно этих мыслителей не случаен, поскольку оба философа предложили одни из самых последовательных проектов нравственного обоснования эгоизма; они утверждали, что эгоизм не только совместим с моральностью, но, более того, истинная мораль не может существовать без эгоизма. М. Штирнер – первый, кто прямо назвал себя эгоистом в своей книге «Единственный и его собственность» [12]. В этом труде он попытался дать теоретическое обоснование эгоизма как практической установки, наиболее приемлемой и даже наилучшей для каждого человека. Его идеи в значительной степени развил Ф. Ницше.

Возможно, самой главной причиной обращения Штирнера именно к эгоизму стало влияние современной ему политической и социокультурной ситуации. Не отрицая этого важного факта, не будем останавливаться на этом подробно. Будет более целесообразно обратиться к тем идейным влияниям, которые испытал (или мог бы испытать) Штирнер.

Прежде всего, Макс Штирнер принадлежал к кружку Гиппеля – группе молодых гегельянцев левого толка, которые собирались в одноименном ресторане. К этому кружку принадлежали также Б. Бауэр, А. Руге, К. Маркс, Л. Фейербах. Совсем не удивительно, что в своей книге Штирнер так много ссылается на его ближайших соратников, но в большей степени – с целью полемики.

«Книга Штирнера не свалилась с неба, она тесно связана с современной ему философской мыслью. Теснее всего с Гегелем, Фейерба-

хом и Фихте, а посредственно, конечно, и с остальной новой немецкой философией, включая и Канта, от которого исходили вышеуказанные ее представители» [4, с. 20–21]. С Гегелем Штирнера связывает многое. Например, Штирнер использует диалектический (а точнее, спекулятивный) метод в своих рассуждениях о природе Я, часто прибегает к историческому анализу при исследовании сущности и роли религии. Наконец, Я Штирнера, подобно абсолютному духу Гегеля, будучи изначально отчуждено от самого себя, проходит ступени внешнего и случайного определения, и затем возвращается к себе, чтобы стать собой во всей своей полноте. Правда, Штирнер всячески борется с объективным идеализмом Гегеля, «но все же дух гегелевского учения носится над книгой Штирнера против воли ее автора» [там же, с. 21]. Между тем И.А. Ильин в своей статье «Идея личности в учении Штирнера (опыт по истории индивидуализма)» отмечает: «Эта книга была последним, крайним звеном той реакции против гегельянства, которая сама вышла из его недр, им питалась, на нем базировалась» [2, с. 55].

Пожалуй, самым часто упоминаемым в «Единственном и его собственности» современником Штирнера стал Л. Фейербах. Штирнер видит его заслугу в повороте от теологии к антропологии, но не считает предпринятых Фейербахом усилий достаточными. Одного того, что Богом теперь стала называться сущность человека, мало, нужно еще вернуть эту сущность своему законному владельцу, то есть индивиду, Единственному.

Нельзя не заметить сходства основного понятия штирнеровской философии «Единственный» с Я Фихте. Но главное отличие Я Штирнера заключается в том, что оно не всеобщее, не объективно и трансцендентно для отдельного человека. Я Штирнера индивидуально, субъективно, лично. Тем не менее штирнеровский «индивидуализм ведет свое начало более всего от Фихте и его учения об абсолютном Я, которое придало в свое время силы индивидуалистическому учению, уже подготовленному Лейбницем и Гердером» [4, с. 223].

Теперь стоит обратиться к более опосредованным влияниям. Нет сомнения, что штирнеровский идеал Единственного близок к идеалам Возрождения и немецкого романтизма. С ренессансным титанизмом его роднит внеморальный и надморальный статус героя, Единственного, его вседозволенность, которая оправдывается безусловным правом силы и интеллектуального превосходства. От романтиков у Штирнера остается дух непримиримого противоречия личности и мира, внутреннего и внешнего, индивидуального и коллективного. Конечно, у Штирнера нет такого трагизма, но лишь потому, что его Единственный просто не берет в расчет мир, который ему не подходит, не нравится, который мешает достижению его чисто эгоистических целей. Романтические герои, как правило, не идут дальше внутреннего сопротивления, но они нередко загораются желанием спасти мир, который всячески их притесняет и

даже вытесняет (например, Данко у М. Горького, вырывающий сердце из своей груди, чтобы дать людям надежду и осветить их путь).

Уже в названии своего главного труда «Единственный и его собственность» Макс Штирнер дает понять читателю, что в этой книге ему придется иметь дело с особым миром, с миром эгоиста. В обыденном сознании слово «эгоизм» имеет отрицательные коннотации. Но Штирнер резко критикует обыденность вместе с традиционными религиозными, моральными, социальными и политическими установками его времени. Имя Макса Штирнера обычно связывается с радикальным анархизмом, но его философия также имеет ярко выраженное этическое содержание.

«Но кого Ты считаешь эгоистом?» – вопрошает «апостол эгоизма» [4]. «Человека, который вместо того, чтобы служить идее, то есть духовному, и приносить ей в жертву свою личную выгоду, служит именно своей выгоде [10, с. 52]. Автор в лучших критических традициях младогегельянства начинает свое сочинение о человеке с разоблачения сил, которые властвуют над личностью. В древности это были силы природы, теперь же тираном стал дух или идея.

Человека на протяжении всей жизни окружают духи, а его главной целью становится одухотворение. Истина, Бог, государство, человечество – все это идеи, которые поработают личность и заставляют ее служить им. Эти и подобные им категории не возбуждены в нас естественным ходом нашей жизни, а привнесены извне, отчуждены от нас. «Возбужденные чувства – это чувства собственные, эгоистические, ибо они мне не внушены, не навязаны, к первым (внушенным) же Я приноравливаюсь, ношу их в себе как наследие, культивирую их, ими Я одержим» [там же, с. 90]. Но от одержимости, от этой страшной болезни, можно излечиться, а лекарство – это эгоизм.

Было бы опрометчиво утверждать, что Штирнер призывает каждого человека стать эгоистом: «У меня нет никакого призвания, и Я не следую никакому призванию – даже призванию быть Человеком» [там же, с. 176]. В каждый момент своей жизни индивид уже человек, он таковым рождается и умирает. Глупо стремиться к тому, что уже имеешь: «Все Мы слишком совершенны! Ибо в каждое данное мгновение Мы – все, чем Мы можем быть, и Мы вовсе не должны быть большим» [там же, с. 422]. Более того, каждый человек уже эгоист, но жажда власти над собой абстрактной идеи заставляет всячески порицать любое эгоистическое проявление. Тогда человек оказывается в затруднительном положении: он одновременно эгоист и не эгоист.

Выход есть – нужно стать своей собственностью: «Моя сила – моя собственность. Моя сила дает мне собственность. Моя сила – Я сам, и благодаря ей я есть моя собственность» [там же, с. 221]. Отныне все мои мысли являются моей собственностью, а это значит, что ни одна идея не сможет диктовать мне, что делать, к чему стремиться и как жить. Я пользуюсь мыслями, пока они удовлетворяют мои желания. Но

и желания не могут властвовать надо мной. Я могу легко от них отказаться и пожелать другого, даже совершенно противоположного.

Принимая эгоистическую позицию, уже невозможно вступать в традиционные личные, социальные и политические отношения. Другой человек для эгоиста не может считаться ближним и равным: «Гипотеза, будто все другие люди – нам подобные, создана лицемерием. Нет никого мне подобного, ибо всякого и всякое Я рассматриваю как свою собственность» [там же, с. 368]. Каким же образом эгоисты будут организовывать взаимодействие между собой? Макс Штирнер утверждает, что единственная форма общности людей, которая не угнетает в силу собственного своеобразия, – это союз. Он возникает, когда людям это выгодно, и исчезает при смене индивидуальных интересов и стремлений. Союзники не связаны никаким узами, кроме своей выгоды, а значит, эгоист не жертвует своеобразием, остается самим собой: «Как единственный, Ты можешь утвердить себя исключительно в союзе, ибо не союз владеет тобой, а Ты владеешь им или пользуешься им» [там же, с. 369].

Эгоист – Единственный, а весь мир – его собственность. Эгоизм – позиция, которая служит реализации Я. На первый взгляд может показаться, что Штирнер так и не сказал самого главного: что же такое это индивидуальное Я? Иначе получается, что эгоист, живущий только ради своего Я, оказывается без опоры, без почвы под ногами, и «Я» становится такой же иллюзией, как «Бог», «человечество» и «государство».

«Штирнер останавливается перед наиболее важным вопросом его концепции, он игнорирует тот факт, что его эго, его собственная индивидуальность, высшая власть, стоящая за пределами добра и зла, наивысший авторитет для всего – это нечто смутное, меняющееся, неопределенное, различное в каждый новый день и, в конце концов, исчезающее вовсе» [14, р. 389].

Действительно, нигде в «Единственном» не встретишь позитивного определения Я. Дело в том, что «все прочие вещи в мире можно определять идеями, собственное же Я мы должны *пережить* в себе как единичное» [9, с. 85]. «Основное определение Штирнеровского “Я” состоит в том, что оно единственно» [2, с. 64], неповторимо, бесконечно сложно и своеобразно. Формального определения Я нет и быть не может. Я – личный опыт каждого человека. «Это представление он хотел бы оставить в неразложенном, слитном, интуитивно переживаемом виде, и, конечно, потому, что он больше, чем кто-нибудь, знал и чувствовал, как обесценивается иногда то, на что открыто и безжалостно посягнуло рационализирующее, разлагающее рассмотрение» [там же, с. 69].

Трудно переоценить роль М. Штирнера в деле концептуализации и обоснования эгоизма. К.А. Свасьян отмечает, что Штирнер первым расширил эгоизм до философии, выступив от имени своего эмпирического Я и не прикрываясь абстрактными понятиями. Он показал философии принципиально иной путь мысли, на котором философ уже не

сможет оставаться сторонним наблюдателем бытия, а станет активным и деятельным его участником: «Штирнер – философ, впервые вспомнивший о себе, увидевший за идеями себя, а в себе господина идей. В Штирнере трансцендентальный субъект философии поглощается эмпирическим, соответственно: философское бытие не хочет больше быть только мыслью, а хочет быть – бытием» [7].

Как верно замечал А. Шопенгауэр, «эгоизм так глубоко коренится в свойствах всякой индивидуальности вообще, что, когда необходимо пробудить к деятельности какое-нибудь индивидуальное существо, то единственно надёжными стимулами для этого являются его эгоистические цели» [8, с. 105]. Поэтому Штирнер и говорит об Единственном, эгоисте. Ведь только он, будучи заинтересован в мире, сможет его преобразовать. Неверно было бы предельно упрощать эгоистическую позицию Единственного, сводя ее исключительно к шкурничеству и стремлению к материальной выгоде. Самая ценная собственность эгоиста – его мысли. Он желает не накопления богатств, а возможности распоряжаться идеями, которые раньше были тиранами по отношению к индивидуальному Я: «Свобода существует только через эгоизм» [1, с. 43].

Штирнер был, возможно, первым, кто попытался последовательно теоретически обосновать эгоизм как моральную позицию. Но он точно не был последним. Символично, что в год выхода книги «Единственный и его собственность» родился Ф. Ницше, которого в плане развития идей эгоизма можно с полной уверенностью назвать продолжателем дела Штирнера.

Прежде чем приступить к рассмотрению эгоизма как жизненной позиции в философии Ницше, следует отметить, что отношение Ницше к эгоизму неоднозначно. С одной стороны, он осуждает житейский эгоизм заурядных людей, эгоизм масс. Георг Зиммель в своей книге «Шопенгауэр и Ницше» (1907) отмечает, что «одна из самых странных ошибок в истории этики – интерпретация учения Ницше как апологии простого эгоизма и эпикурейского распутства» (цит. по [11, р. 317]). С другой стороны, эгоизм – оправданная позиция сильной и исключительной личности.

Несмотря на то что этическую программу Ницше принято называть индивидуалистической, сам философ выступает не только против коллективизма в морали, но и против индивидуализма, так как он «тоже не знает иерархии рангов и норовит дать одному ту же свободу, что и всем» [6, с. 471]. Таким образом, термин индивидуализм оказывается также не вполне корректным. Ведь Ницше «не думает, что каждый человек по-своему важен; что все имеют равные права; что прогресс состоит в том, чтобы сделать индивидуумов настолько свободными от социального контроля, насколько это возможно; что каждый должен жить своей жизнью и идти к счастью собственным путем» [13, р. 395].

Какое же определение будет наиболее точно и верно характеризовать этическую доктрину Ницше? Зиммель предложил термин персона-

лизм. «Личность – вершина человеческой эволюции, <...> те, кто направляют сами себя и творят свои собственные законы, сильные, совершенные образцы нашего вида, которые естественным образом управляют остальным человечеством, а если не управляют, то являются чем-то вроде полубожественной высшей расы» (цит. по [13, р. 395–396]).

Несмотря на то, что соображения Зиммеля кажутся вполне обоснованными, не будем спешить отказываться от индивидуализма и эгоизма, этих традиционных наименований центральной идеи этики Ницше. Со всеми оговорками необходимо признать, что для господ, людей высшего аристократического типа и тем более для сверхлюдей единственной возможной моральной позицией оказывается именно индивидуально-эгоистическая установка. Только в рамках нее сильная и выдающаяся личность может утвердиться и самореализоваться.

Теперь на время вернемся к эгоизму представителей рабской морали. Как это ни парадоксально, но одним из источников обывательского эгоизма Ницше называет христианство. Провозглашая абсолютную ценность каждого человека и, таким образом, тотальное равенство, христианство дает повод каждому, даже самому сирому и убогому, возомнить себя важным и значимым. Таким образом, эгоизм обостряется до крайности индивидуального бессмертия [6, с. 157]. Ту же мысль высказывает и Шопенгауэр, говоря о парадоксальности христианской этики: «Требовать же <...> бессмертия индивидуального сознания, для того чтобы связать с ним потустороннюю награду или кару, – это значит только рассчитывать на соединимость добродетели и эгоизма» [8, с. 70]. Такое соединение, конечно, абсурдно.

Ницше выступает за деятельный характер высших людей, осуждая обыденный, узкий, мелкий, заурядный эгоизм: «Превратное понимание эгоизма, со стороны заурядных натур, которые ведать не ведают о жажде покорения и ненасытности большой любви, равно как не ведают и об изливающихся чувствах силы, которые одолевают, влекут к себе, льнут к сердцу — о тяге художника к своему материалу» [6, с. 481].

Пытаясь дать этическое обоснование эгоизма, Ницше говорит, что в нём укоренены все самые сильные и великие проявления человека: «Ничего иного, кроме эгоизма, быть не может, что у людей, у которых его делается слабым и жидким, ослабляется сила великой любви, что наиболее любвеобильные прежде всего являются таковыми благодаря силе их эго, что любовь есть выражение эгоизма и т. д.» [там же, с. 213].

Эгоизм присущ людям сильным, здоровым, и лишь силу и здоровье надо поощрять и всячески развивать. Для слабых и больных есть альтруизм. Пусть они жертвуют собой ради оздоровления человеческой природы, пусть они умирают, спасая сильных. Только такой расклад сил может быть справедливым: «Альтруизм как умонастроение <...> есть инстинкт, выражающий стремление обрести хотя бы вторичную ценность, на службе у других эгоизмов. В большинстве случаев, однако,

альтруизм только видимость, это обходной маневр ради сохранения чувства собственного достоинства, чувства собственной ценности» [6, с. 425]. Интересно замечание Ницше о том, что с рождения человек более альтруистичен, чем эгоистичен. И только со временем человек может достичь высшей формы эгоизма. Таким образом, эгоизм оказывается не щедрым подраком природы, а целью и задачей самовоспитания, что значительно увеличивает его нравственную ценность.

Таким образом, Ницше противопоставляет эгоизм как инстинкт и высшую форму личностного развития сильных людей эгоизму и альтруизму слабых и заурядных индивидов. Выбор философа оказывается в пользу первого, поскольку всю свою философию он посвятил поиску высшего типа личности: «Свой тип человека, как идеал, Ницше поэтически воспел в своем Заратустре. Он называет его сверхчеловеком. Последний есть человек, освобожденный от всяких норм, желающий быть уже не образом и подобием Бога, не богоугодным существом, не добропорядочным бюргером и т.д., а самим собой и ничем, кроме этого, – чистый и абсолютный эгоист» [9, с. 99].

Отвлекаясь от оценочных суждений в отношении преимуществ философского стиля Штирнера и Ницше, а также оригинальности и первенства высказываемых ими идей, попытаемся, насколько это вообще возможно, объективно ответить на вопрос, что объединяет и принципиально различает этих, безусловно, близких философов.

На вышеставленный вопрос нет однозначно верного ответа. Например, биограф и исследователь творчества Штирнера немецкий социалист Г. Маккей утверждает, что новизна идей Ницше сомнительна и мода на его философию – лишь временное явление: «Лихорадочное увлечение Ницше, однако, начинает уже проходить. Придет день, – и “сверхчеловек” разобьётся об “Единственного”» [5, с. 16].

Напротив, современный исследователь философии Ницше К.А. Свасьян уверен, что Штирнер и Ницше говорили об одном и том же только разными способами. «Родство обоих мыслителей настолько ошеломительно, что возникает вопрос: как бы сложилась философская судьба Ницше, найди он учителя не в Шопенгауэре, а в Штирнере. Он смог бы, по-видимому, избежать всей этой чарующей стилистики “сверхчеловека” и говорить о своих идеалах с такой же внятностью, с какой он ниспровергал идеалы чужие» [7].

Несомненно, критические программы Штирнера и Ницше, особенно в отношении морали и религии, очень близки. Правда, по мнению Курчинского, Штирнер критикует мораль, потому что она увлекает в заоблачные дали, а Ницше – за то, что она обедняет и принижает жизнь [4].

Оба философа выделяют из мира индивидуальное Я, которое является в первую очередь волей. И Штирнер, и Ницше критиковали государственное устройство общества, говоря о праве сильной личности на собственную позицию не только в повседневном общении, но и в обще-

ственно-политической практике. Они отвергали принцип всеобщего равенства, так как он лжив, лицемерен и придуман только для того, чтобы заковать в прочные узы свободу сильных и ярких индивидуальностей.

Похожими оказываются и позитивные программы двух философов. Их ядром являются и в том и в другом случае некий этический идеал (у Штирнера это Единственный, у Ницше – сверхчеловек). «По мысли Михайловского, очень схожи и идеалы личностей у Ницше и Штирнера: у обоих вызывает восхищение высший тип индивидуалиста. Ницшевский эгоцентрист во многом так же силен и независим, как и Штирнеровский»; «Таким образом, оба философа показывают, что в индивидуализме (эгоизме) как таковом нет ничего дурного» [3].

Но при всем сходстве этих идеалов они отличаются в некоторых принципиальных моментах. Эгоистом в штирнеровском смысле может стать любой, кто освободился из плена иллюзий и абстрактных идей. Эта программа кажется вполне выполнимой для каждого человека. Сверхчеловек Ницше – новый тип человека, и не только в моральном и духовном плане, но и в биологическом. Сверхчеловек – задача будущего, и вполне вероятно, что это будущее наступит еще не скоро. Первыми вестниками появления сверхлюдей являются носители господской морали. Но и они чрезвычайно редки в мире, являясь скорее исключением, чем нормой. Для воплощения идеала Штирнера достаточно индивидуальных усилий свободной личности. Но чтобы появился сверхчеловек, вся человеческая природа должна измениться, для чего недостаточно персонального волевого подвига.

Безусловно, Штирнер и Ницше очень близки по духу, по идеям, которые они излагали. Наверное, можно сказать, что в своей философии они преследовали одну и ту же цель – изменить мир через изменение самого человека. Но нельзя игнорировать существенные различия, начиная со стиля написания философских произведений, заканчивая этическим идеалом. Возможно, Единственный Штирнера мог бы стать прекрасной иллюстрацией человека господской морали Ницше и, таким образом, переходным звеном от человека к сверхчеловеку.

Список литературы

1. Бурдо Ж. Властители дум: Пророки силы, добра и красоты. Ренан, Штирнер, Ницше, Толстой, Рёскин. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 206 с.
2. Ильин И.А. Идея личности в учении Штирнера (опыт по истории индивидуализма) // Вопросы философии и психологии. 1911. № 106. С. 55–93.
3. Ключ Э. Ницше в России. Революция морального сознания. URL: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/-klust/?curPos=4> (дата обращения: 9.03.2013).

4. Курчинский М.А. Апостол эгоизма: Макс Штирнер и его философия анархии. Критический очерк. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 264 с.
5. Маккей Дж. Г. Макс Штирнер: его жизнь и творчество. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 205 с.
6. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
7. Свасьян К. А. О конце истории философии. URL: <http://www.nietzsche.ru/around/meeting/swasian/?curPos=1> (дата обращения: 21.03.2013).
8. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 224 с.
9. Штейнер Р. Эгоизм в философии. М.: Evidentis, 2007. 152 с.
10. Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб.: Издательство «Азбука», 2001. 446 с.
11. Eckstein W. Friedrich Nietzsche in the Judgment of Posterity // Journal of the History of Ideas. 1945. V. 6. № 3. P. 310–324.
12. Ethicalegoism. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Ethical_egoism (дата обращения: 30.03.2012).
13. Salter W. M. Nietzsche's Moral Aim and Will to Power // International Journal of Ethics. 1915. V. 25. № 3. P. 372–403.
14. Carus P. Max Stirner, the predecessor of Nietzsche // The Monist. 1911. V. 21. № 3. P. 376–397.

EGOISM AS A LIFE POSITION IN M. STIRNER'S AND F. NIETZSCHE'S PHILOSOPHY

К.А. Kurenykh

Lomonosov Moscow State University, Moscow

An ordinary conscience assesses egoism as a nonmoral and/or immoral phenomenon. Nevertheless, there are some examples in the history of ethics, when thinkers tried to provide the moral justification for egoism in their philosophical concepts. The article considers egoism as a life position in M. Stirner's and F. Nietzsche's philosophy. These philosophers tried not merely justify egoism from the moral point of view, but they also claimed that only this position gives the correct principle of life. Meanwhile, their doctrines have some fundamental differences, which constitute the differences of their attitudes to the role of egoism in realization of their ethical ideals (Stirner's "Ego", Nietzsche's "Übermensch").

Keywords: egoism, F. Nietzsche's philosophy, Übermensch, M. Stirner's philosophy, Ego.

Об авторе:

КУРЕННЫХ Ксения Андреевна – аспирантка кафедры этики философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный

университет имени М. В. Ломоносова», Москва. E-mail:
black_deep@inbox.ru

Author information

KURENYKH Kseniya Andreevna – a post graduate student, faculty of philosophy, department of ethics Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: black_deep@inbox.ru